

Ковш спекуляции: к геологии токсичного Абсолюта

НИКИТА САЗОНОВ

Куратор, Posthuman Studies Lab. Адрес: 129223, Москва, пр-т Мира, 119, стр. 246. E-mail: darkcryptasite@gmail.com.

Ключевые слова: сурвайв(ре)ализм; геоспекуляция; субтракция; absolutus; ресурс.

Статья представляет собой реконструкцию общего хода спекулятивного поворота в современной континентальной философии с точки зрения экологии абсолютного. Опираясь на базовое переопределение механики спекуляции, совершаемое теоретиками спекулятивного поворота (в особенности Квентином Мейясу), как отвержения абсолютного сущего классической метафизики, автор концентрируется на связке между спекулятивным отвержением и проблемой основания, которая образуется при подобной постановке вопроса. Отказываясь от Абсолюта как достаточного основания и таким образом разосновывая мысль, спекулятивная философия совершает расширение общей «карты» основания. Логика достаточного основания дополняется недостаточным основанием, достаточным неоснованием и недостаточным неоснованием.

Эта карта оснований укладывает в себя полный «кинезис» спекулятивного поворота, включая современные попытки отвернуться от спекуляции

и уйти от основания и абсолютного, совершаемые «новой геофилософией». Автор отмечает, что переключение с вопроса «что?» на вопрос «где?», характеризующее новую геофилософию как «геофилософию территории», хотя и вычеркивает проблематику основания, остается во власти недостаточного основания, таким образом воплощая наиболее вульгарную трактовку спекулятивного как «спекулянтства». Вместе с тем спекулятивный поворот открывает на месте «геофилософии территории» «геофилософию ресурса», для которой более релевантен не вопрос «где?», а вопрос «когда?». По мысли автора, именно это вопрошание сдвигает спекулятивную философию к краю «карты» абсолютного и одновременно к решению проблемы отказа от основания — недостаточному неоснованию. Недостаточное неоснование открывает вертикальное измерение слоев абсолютного, относительно которых спекуляция оборачивается ковшем, который раскапывает *absolutus* и отбрасывает Абсолюты.

Заземление спекуляции

ФИЛЬМ *The Stuff* (1985) переосмысляет классический сюжет вторжения космической анонимности, описывая приключения вещества (*the stuff*), найденного на территории промышленной свалки. *The stuff* появляется не откуда-то извне, как в той же «Капле» (1988). Фактически странная белая масса, которую оно из себя представляет, — нечто среднее между строительной пеной и мороженым — вторгается в человеческое, прорываясь *прямо из-под земли* и открывая пульсирующую скважину, на которую затем натывается охранник завода. Такому теллурическому ингуманистическому вторжению, однако, недостает мощностей, чтобы набрать необходимые обороты экспансии. *The stuff* — всего лишь пассивная пена, чужеродный выродок-паразит, горе-захватчик, которому нужен носитель, чтобы захватить планету. Подобный изъян тем не менее компенсируется основным двигателем сюжета — необыкновенным вкусом, который характеризует *the stuff* «как мороженое, только лучше», поскольку его «хочется есть еще и еще». Именно вкус вещества запускает вторжение, обеспечивая условия гастрономической «встречи» с охранником, одновременно выступая условием развертки дальнейших странствий *the stuff* и его анонимной беспощадной экспансии. Речь о захвате земного транснационального рынка, на котором вещество появляется в качестве одноименного продукта, упакованного в стаканчики с надписью: «*The Stuff*». Уже в качестве бренда вещество добивается небывалой гастрономической гегемонии, постепенно вытесняя все остальные пищевые продукты на рынке, поскольку вызывает выраженное наркотическое привыкание, гротеск которого — в повсеместно возникающих в фильме кадрах с забытыми под завязку «*The Stuff*» холодильниками.

«*The Stuff*», выпускаемый на продуктовый рынок, и анонимное *the stuff*, являющееся главным носителем криминальных капиталистических планов, — две фигуры, способ соединения которых здесь — основная загадка. С одной стороны, есть конгломерат спекулянтов, разрабатывающих различные тактики продажи и занимающихся порабощением рынка. В самом фильме эта тай-

ная свора так по большому счету и не раскрывается перед зрителем. С другой — есть промышленный кластер, откачивающий *the stuff* и превращающий его в готовый «*The Stuff*». Соединение этих двух инстанций составляет блэкбокс, чье содержимое требует расшифровки. Фильм совершает эту дешифровку в том смысле, что разработка *the stuff* — не просто элемент сюжета; сам сюжет является своего рода *обнаружением и разработкой*. Его внутренняя игра резонирует с метасюжетной компоновкой слов, инстанций и склеек кадров. Капиталистическая спекуляция, находящаяся в *горизонтальной логике дистрибьюции*, соединяется с *вертикальностью геологического* — разработкой вещества механизмами копания и бурения. Эти две логики не работают отдельно друг от друга, они существуют в определенного рода резонансном движении, позволяющем говорить о жесте *геоспекуляции*. Соприкасаясь с темным и дремучим прошлым спекулятивной мысли, геоспекуляция позволяет расшифровать общий «ход» спекулятивного поворота, основным движением которого как раз и является своеобразная «деструкция» этого прошлого¹.

Золотая лихорадка мысли

Метафизика представляет собой, вероятно, первую геофилософскую экспедицию за ресурсами *absolutus*². Откапывать погребенные останки геоспекулятивной техники приходится именно из ее заброшенных шахт. Эти останки — свидетельство неудачного эксперимента, призрак провалившейся разработки, связанной с невозможностью удержать гремучее соединение геологической

1. Этот «ход» спекулятивного поворота, который прежде всего воплощается в проекте Квентина Мейясу, может трактоваться как деструкция спекулятивной философии, поскольку он обращается к спекулятивному истоку (классической метафизике), игнорируя все проекты, занимавшиеся разработкой спекулятивного после метафизики (например, Гегеля). Подобная деструкция связана с тем, что основным пунктом критики «новой» спекулятивной философии оказывается принцип достаточного основания, проблематичность которого подвергается определенному «забвению» в немецкой спекулятивной философии. См.: Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. С. 38–45.
2. Как станет ясно далее, непереводаемость *absolutus* составляет не менее принципиальный момент геоспекулятивной истории, чем непереводаемость *the stuff* в вышеупомянутом фильме, поскольку различные попытки перевода (Абсолют, абсолютное, абсолютное сущее) уже являются определенной разработкой, выкапывающим извлечением *absolutus*.

и спекулятивной машины. Метафизика не соблюдает технику безопасности на приисках *absolutus*. Вследствие этого ее ожидает даже не обвал шахты, физическое погребение, которое бы просто-напросто прервало геоспекулятивный проект, — речь не о некоем мертворождении. Наплевательская неосторожность метафизики порождает нечто более ухищренное. Она влечет за собой особый тип когнитивного расстройства, от которого в итоге приходится страдать всем: вломившаяся на территорию разработки и копающая без разбора метафизика *очаровывается* блеском того, на что едва успевает наткнуться.

Подобное когнитивное расстройство — парадигмальные симптомы *золотой лихорадки*. Наткнувшись на анонимные залежи *absolutus*, философия моментально их монетизирует. Ведь обнаруживающийся на самой поверхности, не требующий никаких затрат ресурс — носитель чрезвычайного блеска. Он обладает бесконечным множеством атрибутов и совершенств. Иначе говоря, он *абсолютен* именно в том смысле, в котором таковым является Абсолют, или *абсолютное сущее* — сущее, которое ценнее любого другого сущего. Блеск Бога, Природы и Субстанции создает асимметрию в геоспекуляции, заставляя метафизика стать из геолога-добытчика простым *спекулянтом*. Метафизика становится повинна в наводнении всего онтологического рынка легко добытой валютой Абсолюта, который становится своего рода золотым стандартом: его номинальная стоимость определяет курсирование всего остального сущего на рынке, заставляя отсчитывать от него свое движение, то есть выступая для общей динамики обращения сущего в качестве *достаточного основания*.

Однако указанные действия — результат лихорадочной слепоты по отношению к той подозрительной простоте, посредством которой добывается столь ценный ресурс. Как отметил Кант, этот главный симптоматолог профессионального заболевания метафизиков-шахтеров, «во все времена говорили об абсолютно необходимом существе, но усилия направлялись не столько на то, чтобы понять, можно ли и каким образом можно хотя бы только мыслить такую вещь, сколько на то, чтобы доказать ее бытие»³. Он-

3. Кант И. Критика чистого разума // Соч. на нем. и русс. яз. М.: Наука, 2006. Т. 2. С. 765. Тот же Шопенгауэр, анализируя переворот, совершенный по отношению к догматической философии, замечает: «...здесь, в мозгу, находится каменоломня, которая предоставляет материал для величественного догматического построения» (Шопенгауэр А. Критика кантовской философии // Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 509).

тологическое доказательство⁴, в котором упражнялась вся классическая метафизика от Ансельма Кентерберийского до Декарта и Лейбница, содержит в себе подозрительную нестыковку между затратами на добычу (силлогизм) и добытым (бесконечное сущее, фундирующее существование любого сущего). Известный пример с талерами из «Критики чистого разума» — теми, что в кармане, и теми, которые лишь в понятии, — напрямую разоблачает метафизическую махинацию, демонстрируя несоответствие между блеском абсолютного (бесконечными качествами) и подлинностью этого блеска. Бесконечность Абсолюта еще не означает, что блеск не может оказаться *ложным, будучи при этом бесконечным*. То, что блеск вынужден включать в себя и свою подлинность (существование), указывает на полную его «подвешенность» относительно добытого. В этом смысле на него можно купиться, но его нельзя доказать: «Критика» открывает нечто куда более «дурацкое», чем золото для дураков, — *Абсолют для дураков*, который даже не положишь в карман.

Перед нами, таким образом, своего рода спекулятивный валютный пузырь. Речь всегда шла лишь о том, чтобы как можно быстрее вывести добытое на рынок, сбывать его, не разбираясь, *что же, собственно, добывается*. Более того, не уделялось внимания тому, *как* происходит добыча — какова механика ковша, который так выкапывает *absolutus*, что в результате на поверхности оказывается абсолютное сущее. Итог такой лихорадочной поспешности — связанный с перепроизводством кризис метафизического рынка. И если, по мысли Хайдеггера, атомная бомба взорвалась еще в поэме Парменида, то финансовый кри-

4. Под онтологическим доказательством здесь понимается собирательное название бесконечных вариаций одной и той же уловки. Что это одна и та же схема, но под разными именами (космологического, физикотелеологического доказательства) для усложнения махинации, было отмечено еще в критическом проекте Канта, который говорит про «хитрость разума, с которой он выдает старое доказательство в замаскированном виде за новое» (*Кант И.* Указ. соч. С. 781). Можно сказать, что если у Лейбница эта уловка принимает вид наиболее классической силлогистической схемы, парадигмального надувательства, то, к примеру, у того же Спинозы это доказательство приобретает вид определенной геометрической «многоходовки»: формулировка определения (бесконечное количество атрибутов), использование промежуточной теоремы (теорема 7, сплетающая сущность и существование субстанции), доказательство (теорема 11, у которой несколько вариантов доказательства, усложняющих схему махинации, которая тем не менее все равно упирается в промежуточную теорему 7). См.: *Спиноза Б.* Этика. М.: Академический проект, 2008.

зис 2008 года случился еще в кризисе классической метафизики: ценные бумаги абсолютного сущего полностью обесценены, поскольку их нечем погасить — их стоимость ничем не гарантирована, кроме нее самой.

Однако критический проект не прав в том, что вменяет эту махинацию в вину самой метафизике. Что абсолютное сущее является *ее* целенаправленным и стратегическим финансовым заговором с целью захвата. Налицо, скорее, нечто обратное: можно сказать, что лихорадочное стремление распространить абсолютное сущее является следствием неподготовленности к тому, что именно скрывается на спекулятивных приисках *absolutus*. Безудержная жажда метафизического добытчика, которая провоцирует его загребать все, что блестит блеском бесконечного, по большому счету свидетельствует лишь о появлении на сцене какого-то *другого махинатора*. В перспективе этой махинации более высокого порядка и финансовый кризис спекулятивного, и сама метафизическая программа выступают лишь элементами более глобального нарратива. Здесь вскрывается ложность не столько конкретного метафизического блеска, сколько ложность *ресурсного как такового*. Фактически критика золотой лихорадки метафизики должна вскрывать ложность, запрятанную в самом абсолютном сущем: его блеск фальшив не в силу *недостаточности*, а именно в силу самой *достаточности*, которой обладает. Этот нюанс, запрятанный в самом *re-source*: потребность в ресурсе, его «достаточность», является глобальной тавтологией, которая начинает свою работу в момент «встречи» с этим ресурсом, когда при бурении случается наткнуться на его залежи. Нужда в ресурсе, его ресурсность, диктуется самим ресурсом: он подсовывает то, чего будут желать больше всего, разыгрывая таким образом свою тотальность и не выпуская ни один элемент за пределы круга своего *онанизма*⁵. Вкус *the stuff* не имеет отношения к какой-то «изначальной» потребности человечества. Однако после проникновения вещества на поверхность человечество начинает в нем нуждаться как в чем-то смертельно важном, изначально необходимым. Все производство организуется вокруг *the stuff* как главного ресурса, оказываясь слепым к тому, что был некий первичный момент «подсаживания» на вещество, встречи с ним (так нас когда-то подсадили

5. Как отмечает Реза Негарестани в «Циклопедии», тотальность нефти проявляется в том смысле, что она выступает «лубрикантом для дивергентных линий земной наррации» (*Negarestani R. Cyclonopedia: Complicity With Anonymous Materials. Melbourne: Re.Press, 2008. P. 34*).

на Бога). Это понимание полностью поглощается ретроактивной силой тавтологии *the stuff*.

Неудача классической метафизики вскрывает за горизонтальной махинацией (корыстной махинацией спекулятивного философа с онтологическим рынком) *вертикальную махинацию*, которая смещает основную сцену с территории реализации на *сам момент добычи*. Или, попросту говоря, *с биржи на шахту*⁶. То, что спекулятивный метафизик дурит философскую биржу, заставляя ее работать с заведомо провальной валютой абсолютно-го сущего, — лишь следствие того, что в момент добычи обдурили его самого. Проблема кроется не в метафизике, а в том, *что именно* она запустила на рынок, — что спокойно продолжало курсировать даже после разоблачения общей метафизической схемы кантовской критикой. Эта критика остается *внутрирыночной*, *то есть слишком горизонтальной*. Так и не открывая вертикальность, она вынуждена сохранять валидность Абсолюта, делая его более устойчивым к обвалу через придание ему статуса *регулятива*, то есть выпуская его уже под другой, *критической* маркой.

Следовательно, дабы выпутать себя из лап лихорадки, спекулятивные разбирательства должны сместиться на вертикальную игру, которая подложила догматическому метафизику обманку Бога. Нас интересует некий более полномасштабный принцип, работа которого в метафизических абсолютах была лишь минимальной. Необходимо отсоединить *absolutus* от Абсолюта⁷, как *the stuff* от «*The Stuff*», и сосредоточиться на этом странном и коварном *absolutus*. Именно *absolutus* оказывается главной инстанцией коварства, которая ускользает и всегда подставляет на свое место обманку, ложный Абсолют. Абсолют (и другие его фракции вроде абсолютного сущего, абсолютного и т. д.) будет всегда вставать на место *absolutus*, выступая обманкой, жалкой подменой, предполагающей очередную попытку подчинения философской работы его генеральной игре. Иными словами, коварство в том, что при попытке изобличения, артикуляции вертикальности последняя всегда выставляет на поверхность работающего спекулятив-

6. Что, в свою очередь предполагает смещение разговора с экономики на экологию. Можно сказать, что геоспекуляция, как она задается в данном тексте, совершает переход от спекулятивной экономики к спекулятивной экологии.

7. «Мы должны найти такую абсолютную необходимость, которая не будет возвращать нас ни к какому абсолютно необходимому сущему. Иначе говоря, мы должны мыслить абсолютную необходимость, не мысля ничего абсолютно необходимого» (Мейясу К. Указ. соч. С. 44).

ного ковша нечто другое — нечто, что навязывает себя, заманивая своим блеском. Эта логика обманки и погубила метафизику, при этом *absolutus* как основная инстанция вертикальности всегда ускользал, представляясь для ковша бесполезным, не-необходимым (и, более того, незаметным) мусором: блеск ложной абсолютности привлекает внимание, тем самым извергая главного махинатора (*absolutus*) как отходы, негодные даже для вторичной спекулятивной переработки. Выброшенный за пределы спекулятивного ковша, просочившийся сквозь его сито в качестве сора, *absolutus* ускользнул, замкнув круг тавтологии и продолжив свою вертикальную экспансию.

Доведенное до предела столкновение с глобальным одурачиванием предполагает радикальное сортировочное разочарование: вычитанию подвергается все, ранее признанное ценным. Фракции *absolutus* отбрасываются в результате беспрестанного отвязывания его от наслоений, которые кажутся искомым ресурсом только из-за приступа лихорадки. Весь мусор необходимо заново перебрать, дабы обнаружить то, что осуществляло коварство. Это *отбрасывание*, сопряженное с игнорированием блеска, с демонетизацией абсолютного, с избавлением от своего рода «поруки», которая поставляет себе на службу спекулятивных добытчиков, оказывается главным движением переоснащенной спекуляции⁸.

Геофилософия ресурса

Геофилософии территории должна быть противопоставлена *геофилософия ресурса* — таков основной итог метафизической спекулятивной драмы и ее последующей критики. «Геофилософия территории», к которой можно отнести ряд как уже отработавших, так до сих пор пребывающих в обращении проектов⁹, предпола-

8. Так шизоанализом Делёза и Гваттари изобличаются полные тела. Функция Первопроизводящего, Первоподключающего, которым обладает полное тело, — своего рода ресурсный блеск, который оно источает. Эта функция должна быть подвергнута вычету, поскольку создаваемая ею картина производства является «истинным сознанием ложного движения». Рабочий элемент — желающие потоки — движется таким образом, что образует некоего рода искривление, клинамен, создающий картину подчинения полным телом. См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 26.

9. Здесь можно отсылать как к наиболее очевидной «геофилософии территории», сосредоточенной в работах Делёза вроде «Что такое философия?» или «Тысяча плато», так и к подходам Николы Машандаро, цитируемого в данном тексте. Также сюда можно отнести весьма поверхностную ком-

гает, что пределом при попытке стыковки гео- и философии всегда будет гео-горизонтальное, то есть *географическое*. Географизация геофилософии соотносится с делёзианским словарем де-/ре-/территоризации¹⁰ и определяет работу мысли «топосом, или неким *now here*»¹¹, предполагающим переключение с вопроса *что?* на вопрос *где?* Иными словами, «обращение к параметрам, связанным с топосом... приводит к смещению внимания с вопроса „Что есть концепт?“ к вопросу „Где концепт?“»¹². Такое переключение, хотя и предполагает работу с ресурсом «рассеянным», то есть таким, что его блеск уже не важен (так как уже не важно его «что»), озабочено лишь тем, чтобы этот блеск пребывал в нескольких местах сразу. Фактически такая трактовка ресурса геофилософией территории является нечаянной артикуляцией своего рода «истины» лихорадки. Блеск, как мы уже отмечали, — лишь приманка, его реализацией же оказывается горизонтальная тавтологическая экспансия ресурса. Геофилософия территории просто поддается этой экспансии наиболее чистым образом. Больше не нужен странный придаток светящихся атрибутов (достаточное основание), поскольку сама жертва (геофилософ) открывает весьма эффективную маркетинговую логику *недостаточного основания*, напрямую задаваясь следующими вопросами: *где* достать еще и *где* можно реализовать добытое, *куда* его сбыть?

пиляцию на тему «*ungrounding*, и не только» от Бена Вударда. См.: *Они же*. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009; *Они же*. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010; Woodard B. On an Ungrounded Earth: Towards a New Geophilosophy. Brooklyn, NY: Punctum Books, 2013.

10. Нужно отметить, что этот словарь проблематизируется «Геологией морали» из «Тысячи плато», которая начинает работать со словарем де-/стратификации. Однако эта проблематизация, как представляется, коллапсирует с самого начала этого плато: «Он [доктор Челленджер] объяснил, что Земля — нечто Детерриторизованное, Ледниковое, гигантская Молекула — это тело без органов... Страты... действуют, кодируя и терриоризуя землю; одновременно они развиваются через код и территориальность» (Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. С. 67). В итоге словарь стратификации не удается отщепить от присутствия в нем горизонтальности, хотя, без сомнения, Делёз и Гваттари определенным образом делают первый заход на вертикальность геологического *ungrounding*'а, о котором идет речь ниже, скорее, в связи с наиболее *ungrounding*-продвинутой работой Резы Негарестани.
11. Masciandaro N. Becoming Spice: Commentary as Geophilosophy // Collapse. 2010. Vol. VI. P. 33.
12. Negarestani R. Where is the Concept? (Localization, Ramification, Navigation) // Uberty. 2013. URL: <https://uberty.org/wp-content/uploads/2015/06/Navigation-2013.pdf>.

В геофилософии территории, таким образом, окончательно пропадает различие между философской работой и спекулянтским дистрибьюторством, поскольку этот тип геофилософии становится чистым знанием о правильном распространении, или философской маркетинговой (философией недостаточного основания), более подкованной, чем ее неуклюжий метафизический предшественник, спровоцировавший обвал рынка. Валютный стандарт не подвергается переработке: не проблематизируется его получение, которое напрямую зависит от добычи расслаивающегося на множество фракций *absolutus*.

Таким образом, геофилософия территории обнажает необходимость сосредоточиться на вертикальности, которая управляет набирающим все большие обороты горизонтальным спекулированием. Речь о точке, «осциллирующей между поверхностью и глубиной», там, где прорываемая земля, атакуемая множеством бурений и сверлений спекулятивного инструментария, переходит из вертикального порядка в горизонтальный. Именно здесь она может быть подвергнута определенной *не-добыче* — зондированию вертикальности без его перетекания в горизонтальную логику сбыта. Нужно сосредоточиться в зоне погружения слой за слоем, с противостоянием тем микрогоризонтальностям, которые возникают в процессе этого смещения. *Речь о радикальном типе раз-основывания (ingrounding), настаивании на неоснованности, в противоположность достаточному основанию (абсолютному существу) и недостаточному основанию (геофилософскому сбыту), то есть о настаивании на недостаточном неосновании.* Ведь в конечном счете любая горизонтальность означает, что ее вертикальное движение было приостановлено некой *нижестоящей*, фундамирующей инстанцией — неважными токсичными отходами, занимающими самое невыгодное место на общей карте, которые, однако, остаются при этом главным источником подчиняющего коварства. Раз-основывание ломает работу коварства, поскольку не оставляет ему *места*: оно представляет собой «процесс вырождения твердого тела посредством нарушения когерентности его поверхностей». *Absolutus* и его темным ухищрениям не за что зацепиться, поскольку раз-основывание «вырождает полное в бесконечное полое тело, не редуцируемое к ничто»¹³. Загнанное в ловушку, лишившееся какого-либо согласования между своими масками и приманками (иными словами, пойманное с поличным своего коварства), оно может быть оккупировано вычитающим

13. *Idem*. Cyclonopedia. P. 43.

движением, которое сбрасывает наслоения с помощью *ковша субтракции*. Именно субтракция является узлом, стягивающим на себе и горизонтальную, и вертикальную логики. Она — искомая формула геоспекуляции, ускользающая в конечном счете и от *карты* вертикальности/горизонтальности. Субтрактивная *геофилософия ресурса* намекает на второе «гео-» — не столько топологическое, сколько *хронологическое*. *Now* в этом выражении *now here*, означающее, что *here* геофилософии территории всегда находилось в плену у глубокого времени ресурса, выступая лишь одним из его обличий.

Токсикологика субтрактивного ковша

Непереводимость (вернее, невозможность однозначного перевода) слова *the stuff* составляет основной узел фильма. *The stuff* подвергают определенной геоспекулятивной разработке: персонажи фильма *спекулируют* дрянью. Однако не только в том смысле, что и капиталисты, наживающиеся на ее продаже. Как мы показали, данная возможность составляет ложное горизонтальное движение фильма: ложное в том отношении, что это скорее материал, а не результат спекулятивной добычи. Работа касается другой опции спекуляции: персонажи фильма являются спекулянтами, имея дело с разными версиями ресурса *the stuff*. Они выкапывают дрянью с разной степенью глубины. Фильм, производя субтрактивную геологию степеней, прощупывает момент сопротивления кварцеству *the stuff*.

Множественность порядков глубины разработки *the stuff* — это множество смещений самого слова, как внутри языка оригинала (*the stuff* — «*The Stuff*»), так и при переводе. *Нечто из земли, фигня, вкусная дрянь, «Штучка», смертельный десерт*¹⁴ — все это попытка приблизиться к работе ресурса *the stuff* как такового. *The stuff*, обнаруженное в самом начале, является «какой-то фиговойной», «фигней» — чистой анонимностью ископаемого, еще не продемонстрировавшего свою работу. Соприкасаясь с телом охранника, который впервые обнаруживает вещество, *the stuff* подвергается разработке как «вкусная дрянь», тем самым смещаясь от анонимности к отчетливой манифестации вкуса. Эта «вкусная дрянь» подвергается деанонимизации в результате перехода к третьему порядку, где она, поставляясь в качестве промышлен-

14. Здесь я апеллирую к различным вариантам перевода названия фильма, бытующим в рунете.

ного продукта, становится «Штучкой» («*The Stuff*») — легко узнаваемым на рынке и чрезвычайно популярным лакомством. Тем не менее данная линия разработки оказывается «ложным» продуктом лихорадки, вызванным «вкусным» пришествием *the stuff*, поскольку парадоксально попадает в коварную ловушку вещества.

Это коварство подвешивается главным персонажем фильма — ребенком. Тайком наблюдая за поведением «*The Stuff*» в своем холодильнике, он раскрывает причины наркотического увлечения дрянью. Ребенок обнаруживает нулевой уровень, на котором дрянь — запакованная в красивые и безобидные стаканчики — лишается своего «вкусного» блеска: она не более чем анонимный экспроприатор людских тел. Опустошая тела, дрянь просто-напросто их покидает. Представая перед глазами мальчика, *the stuff* открывает свое наиболее токсичное поведение как *absolutus*. Любое внешнее всегда заранее включено в его неопознанные планы и может быть выписано обратно только в качестве раз-основанных останков — опустошенных, сомнамбулических тел, из которых извлечено все питательное.

«*Вычти меня, если не хочешь, чтобы вычли тебя*» — максима, перед которой *the stuff* ставит спекулянтов, противопоставляя ресурсное раз-основывание спекулятивному раз-основыванию. Сменяя маски, и сама дрянь отвязывается от горизонтальности, она сама — свой собственный спекулятивный разработчик, свой собственный спекулятивный материалист¹⁵. Фишка недостаточного неоснования заключается в том, что оно способно производить *само-разосновывание*, не теряя при этом своей абсолютности. Это — обратная сторона тавтологии *re-source*, негативная тавтология *absolutus*.

При этом спекуляция, почувствовавшая на себе токсичное сопротивление второго типа вычитания — вычитания самого вычитаемого, — испугавшись этого сопротивления, прерывает свое копание и начинает следовать программе *выживания*. Ей ничего не остается, кроме как бросить субтрактивное копание, которое смещало ее между слоями, и уклониться от скрепляющего с ней движением ресурса, то есть *выжить любой ценой*. Персонажи сжигают *the stuff* — необходимо выйти из игры, схлопнуть столкновение двух типов раз-основывания, не завершив миссию, а выдернув провода, поскольку в противном случае гарантирован *game over*. Дрянь слишком токсична.

15. Причем «материалист» здесь отсылает не к «материи», а, скорее, к «материалу» — речь, в общем-то, о *спекулятивном материаловедении*.

У подобного спекулятивного сурвайв(ре)ализма — спекулятивного проекта, продемонстрировавшего свою неотличимость от действий по самосохранению, — есть несколько иной сценарий, существующий, скорее, в качестве возможности: он лишь обговаривается, но не реализуется в фильме. Речь о предложении капиталистов довести концентрацию *the stuff* в продукте «*The Stuff*» до безопасного предела, сохраняя при этом объем продаж и эффективность работы ресурса. Это решение нейтрализует коварство посредством отсрочки его действия (пожирание изнутри происходит настолько медленно, что *the stuff* не будет покидать носителя достаточно долго). *Absolutus* здесь размечается, размачивается, покрывается колючей проволокой, от него отделяются опасные части, которые могут нанести вред человеческому и шире — планетарному. Жест капиталистов локализуется в череде решений по концептуализации *безопасного Абсолюта*, не-токсичного «Абсолюта о+», из которого исключено травматическое и апокалиптическое коварство, и интенсификации работы. Капитализм, конечно же, не выдерживает проводов, но он продолжает игру за счет того, что *зависает на одном из уровней*. Он смещает субтракцию, фиксируя ее и превращая в капиталистическую абстракцию. Абстракция — это, по сути, *вычитающее движение, которое замкнулось в круг, стало достаточным неоснованием*¹⁶. Это попытка присвоить тавтологию и тем самым открыть возможность монетизации без того, чтобы эта монетизация служила вертикальной логике ресурса. Иными словами, он осуществляет самосохранение спекуляции через попытку отсоединения ее от геологического.

* * *

Наше повествование блуждало от *the stuff* к *absolutus*, от «*The Stuff*» к Абсолюту и абсолютному существу, периодически смешивая друг с другом два этих ряда, монтируя из них довольно странный фильм. Но это не простая оплошность, а, скорее, свидетельство весьма характерной драмы: курс современной спекулятивной философии на *absolutus* во всей его не-привязанности, отвязанности (в том числе само-отвязанности, *ab-solutus*) по иронии ничем не отличается от столкновения с *the stuff*, начиная от первого метафизического палеогеоконтакта и заканчивая тематизацией «тем-

16. Мейясу К. Указ. соч. С. 87 сл., особ. с. 96, где раскрывается формулировка принципа неоснования, вторым пунктом которого является необходимость контингентности.

ного» Гипер-хаоса Квентина Мейясу. Темнота Гипер-хаоса — лишь маркетинговая уловка для сокрытия того, что речь о чем-то совершенно безопасном, служащем программе выживания любой ценой. При всей катастрофичности «Гипер-хаоса... способного разрушить даже становление»¹⁷, открывающего доступ к «преисподней неорганического», этот спекулятивный Абсолют чрезвычайно просто добывается. Этот способ — интеллектуальная интуиция, последнее изобретение спекулятивных геологов, которую берет в качестве базового инструмента Мейясу. Например, «эндогенная» расшифровка им «Броска костей», перемещающаяся в различных фракциях поэмы и отбрасывающая ее фиктивные слои (слои неподпадающих чисел), в конечном счете останавливается на «абстракции» числа 707, объявляя ее одновременно и ресурсом, и целью расшифровки. Именно этот слой — «ключ» поэмы Малларме — является стабилизацией спекулятивной работы, вписывающей любое сомнение, любую помеху (другие числа — 714, 705, 703) в свою структуру. Какая бы помеха ни возникла в понимании ключа, какое бы сомнение ни одолевало читателя, оно неизбежно упраздняется. Данная стабилизация возможна благодаря тому, что поэма подкреплена ресурсом интеллектуальной интуиции:

Мы приглашаем читателя, которого подобные сомнения одолели целиком, начать эту книгу сначала, *и он увидит, как улечиваются его подозрения*, разрушенные, в свою очередь, соединением противоречащих аргументов.

И до этого:

До раскрытия кода читатель был убежден (в целом) в отсутствии какой бы то ни было шифровки — а затем *не мог не убедиться в ее наличии, даже если она содержит собственное опровержение*¹⁸.

Эти строки, пропущенные через все перипетии экологии *absolutus*, приобретают поистине зловещую тональность. Что это, как не капиталистическая попытка *подсадить* на абсолютную дрянь, которая, проникая в «тело» мысли, порабощает ее целиком, заставляя воспринимать все внешнее как неизбежно вписанное в «дрянную» логику? Именно в этом современная спекулятивная философия близка классической метафизике: то, что метафизика предполагала

17. Meillassoux Q. Time Without Becoming. Sesto San Giovanni: Mimesis International, 2014. P. 25.

18. Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме // Носорог. 2014. № 2. С. 151–152. Курсив мой. — Н. С.

ла, скорее, в некоторой слепоте, то есть не-токсичный (в смысле не-коварства) *absolutus*, современная спекулятивная философия сделала своим достижением. Абсолютное обезврежено, вычитающая работа приостановлена ровно в той точке, которая требуется, чтобы его можно было использовать без особых проблем. Именно теперь его можно спокойно продавать, то есть *позволить* стать себе спекулянтом. Если от этого спекулирования столько пользы (например, понимание современного естествознания), то почему бы не закрыть глаза на то, чем изначально являлось то, что теперь пакуется в интеллектуальную интуицию, одновременно ею обезвреживаясь?¹⁹

Однако откуда такая уверенность, что этот абстрактный Абсолют ничего больше не провернет? Что сам спекулятивный проект не является соучастником его действий? Как отмечает Рэй Брасье, сама интеллектуальная интуиция является имплицитным кругом — необходимым *биобалансом* отношений мысли и внешнего²⁰, — хотя спекулятивная повестка Мейясу провозгласила, что выпуталась из всех кругов. В конечном счете логика достаточного неоснования оказывается наиболее эффективным режимом коварства *re-source*. Это означает следующее: *absolutus* упаковано в стаканчики интеллектуальной интуиции, которая может попасть в дом каждого, и спокойно циркулирует, выжидая своего часа. Когда таймер его глубокого времени, сработав, покажет: нормализация *absolutus*, упокоение его токсичного буйства являются лишь фрагментами плана, который расположен в более заземленных слоях *absolutus*. Сурвайв(ре)ализм — лишь малый круг его онанизирующей тавтологии.

Библиография

- Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009.
- Кант И. Критика чистого разума // Соч. на нем. и русс. яз. М.: Наука, 2006. Т. 2.
- Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.

19. В этой перспективе спекулятивное движение «Циклопедии», скорее, представляет собой более честную ингуманистическую констатацию пораженности токсичным Абсолютом.
20. См.: Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. P. 84–94.

- Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме // Носорог. 2014. № 2. С. 131–207.
- Спиноза Б. Этика. М.: Академический проект, 2008.
- Шопенгауэр А. Критика кантовской философии // Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1.
- Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.
- Masciandaro N. *Becoming Spice: Commentary as Geophilosophy* // Collapse. 2010. Vol. VI. P. 20–56.
- Meillassoux Q. *Time Without Becoming*. Sesto San Giovanni: Mimesis International, 2014.
- Negarestani R. *Cyclonopedia: Complicity With Anonymous Materials*. Melbourne: Re.Press, 2008.
- Negarestani R. *Where is the Concept? (Localization, Ramification, Navigation)* // Uberty. 2013. URL: <http://uberty.org/wp-content/uploads/2015/06/Navigation-2013.pdf>.
- Woodard B. *On an Ungrounded Earth: Towards a New Geophilosophy*. Brooklyn, NY: Punctum Books, 2013.

THE SPECULATIVE HOPPER: TOWARD A GEOLOGY OF A TOXIC ABSOLUTE

NIKITA SAZONOV. Research curator, darkcryptasite@gmail.com.
Posthuman Studies Lab, 119 Mira ave., Bldg 246, 129223 Moscow, Russia.

Keywords: surviv(ere)alism; geospeculation; subtraction; absolutus; resource.

The paper examines the overall course of the so-called “speculative turn” in contemporary Continental philosophy with regard to the ecology of the Absolute. Following the radical redefinition of the mechanics of speculation that has been proposed by theorists of the speculative turn (especially Quentin Meillassoux) as rejection of the absolute essence of classical metaphysics, the author concentrates on the tension between speculative rejection and the problem of grounds which arises from putting the question this way. By rejecting the Absolute as sufficient reason and therefore undermining the grounds of thought, speculative philosophy expands the field of grounds. The logic of sufficient reason is augmented by insufficient reason, sufficient unreason, and insufficient unreason.

This field of grounds encompasses the whole “kinesis” of the speculative turn, including the current attempts to turn away from speculation and move beyond the grounds and absolute relied upon in the “new geophilosophy.” The author notes that the shift from the question of “what?” to the question of “where?” indicates that the new geophilosophy is a “territorial geophilosophy.” Even though it nullifies the problem of grounds, it remains subject to grounds as insufficient reason, and thereby exemplifies the vulgar understanding of speculative thought as mere speculation. At the same time, the speculative turn replaces territorial geophilosophy with a resource-based geophilosophy which is more concerned with the question of “when?”. The author maintains that precisely this kind of questioning forces speculative philosophy both to the edge of the field of the Absolute and to a solution for the problem of rejecting grounds as insufficient unreason. Insufficient unreason unlocks a vertical dimension to strata of the Absolute, through which speculation turns into a trowel that unearths the *absolutus* and discards the Absolutes.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-5-117-132

References

- Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2007.
- Deleuze G., Guattari F. *Chto takoe filosofii?* [Qu'est-ce que la philosophie?], Moscow, Akademicheskii proekt, 2009.
- Deleuze G., Guattari F. *L'Anti-Edipe: Kapitalizm i shizofreniia* [Mille plateaux: Capitalisme et schizophrénie], Yekaterinburg, U-Faktoriia, 2007.
- Deleuze G., Guattari F. *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniia* [Mille plateaux: Capitalisme et schizophrénie], Yekaterinburg, Moscow, U-Faktoriia, Astrel', 2010.
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Kritik der Reinen Vernunft]. *Soch. na nem. i russ. iaz.* [Works in German and Russian], Moscow, Nauka, 2006, vol. 2.
- Masciandaro N. *Becoming Spice: Commentary as Geophilosophy. Collapse*, 2010, vol. VI, p. 20–56.
- Meillassoux Q. *Chislo i sirena. Chtenie “Broska kostei” Mallarme* [Le nombre et la sirène: Un déchiffrement du Coup de dés de Mallarmé]. *Nosorog* [Rhinoceros], 2014, no. 2, pp. 131–207.

- Meillassoux Q. *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence], Yekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi, 2015.
- Meillassoux Q. *Time Without Becoming*, Sesto San Giovanni, Mimesis International, 2014.
- Negarestani R. *Cyclonopedia: Complicity With Anonymous Materials*, Melbourne, Re.Press, 2008.
- Negarestani R. Where is the Concept? (Localization, Ramification, Navigation). *Uberty*, 2013. Available at: <http://uberty.org/wp-content/uploads/2015/06/Navigation-2013.pdf>.
- Schopenhauer A. *Kritika kantovskoi filosofii* [Kritik der Kantischen Philosophie]. *Soch.: V 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Nauka, 1993, vol. 1.
- Spinoza B. *Etika* [Ethica], Moscow, Akademicheskii proekt, 2008.
- Woodard B. *On an Ungrounded Earth: Towards a New Geophilosophy*, Brooklyn, NY, Punctum Books, 2013.